

Праздник, который всегда со мной

28 декабря 2002 года Михаилу Давыдовичу
Вольпину исполнилось бы 100 лет

Людмила ГОЛУБКИНА

ное в 1960 году, поначалу носило длинное название "Объединение детских и юношеских фильмов", впоследствии сократившееся до короткого и более звучного — "Юность". Михаил Давыдович был чем-то вроде редактора-консультанта. Потом эта должность стала называться "внештатный член сценарно-редакционной коллегии". Но как ее ни называй, суть оставалась одной и той же. Придуманно все это было довольно мудро. Говорят, Владимир Крепс, кинодраматург и известный насмешник, узнав об образовании новой структуры — творческих объединений, одобрил: "Все правильно. В искусстве надо действовать бандами". Не знаю, как насчет банд, тогда это еще не имело такого конкретного смысла, но компании вокруг основного ядра — Директор, Худрук, Главный редактор — складывались яркие и своеобразные, не похожие друг на друга. Как правило, это были опытные кинематографисты, эрудиты, остроумцы, знавшие и любившие свое дело, готовые в сложную минуту, когда фильм не складывался или заходил в тупик, прийти на помощь не только советом, но и сесть в монтажную, подсказать новый ход, выправить текст. Мы, молодые редакторы, учились у них и профессии, и отношению к кинематографу, и ответственности, и просто стилю жизни. Каждое заседание сценарно-редакционной коллегии превращалось благодаря им в праздник ума и таланта. В разное время в их число в нашем объединении входили М.Вольпин, С.Ермолинский, М.Львовский, Б.Сарнов, Ю.Тимофеев, М.Шатров. А был еще и более широкий круг — авторов, режиссеров, художников, группировавшихся, в основном, возле Александра Хмелика — Главного редактора, талантливого драматурга, обаятельного человека. Это были незаурядные люди — Н.Эрдман, К.Исаев, С.Лунгин, И.Нусинов, В.Аксенов, И.Меттер, Р.Быков, Г.Полока, Л.Шенгелля — всех не перечтешь. Они входили в Художественный совет, они создавали среду, в которой и варилось искусство тех лет. Они приходили, исчезали, появлялись снова.

Но Михаил Давыдович был всегда — от самого создания до расформирования нашего объединения в 1973 году.

Обычно он приходил загодя и усаживался в свободное кресло, чаще всего под нашим импровизированным "баром", как мы его называли, а на самом деле просто закрытой полкой, где стояли кофеварка и чашки, а на откидной крышке красовалась наша забавная радость — подписи многих знаменитых людей, сделанные размашистыми разноцветными фломастерами. (Где теперь эта веселая доска из древесно-стружечной плиты? Исчезла где-то в бездонных недрах "Мосфильма" после нашей ликвидации. А жаль — там были, например, уникальные на наших широтах автографы Раджа Капура и Наргис. И еще какие-то подписи мировых знаменитостей).

— Чай, кофе? — светски спрашивал кто-нибудь из нас, "дежурный по кофеварке".

Но Михаилу Давыдовичу не хотелось ни чая, ни кофе. Ему хотелось общения. Его он ценил дороже всего.

Помню наш давний спор о споре:

— Ваше поколение не умеет и не любит спорить, — утверждал он.

Я пожимала плечами.

— А что тут любить? Все равно каждый остается при своем мнении. Только воздух сотрясать.

— Как ты не понимаешь! — заводился он. — Самое ценное в споре не победа, а возможность высказать, а иногда и попутно

Экран и сцена.

Сегодня, когда я пишу эти строки, стоит мягкий, тихий январский день. С неба валит снег и конца ему не видно. Вот в такой же давний зимний день я встретила Михаила Давыдовича Вольпина на дороге, ведущей от метро к его дому на улице Черняховского. Он был весь засыпан снегом. Наверное, и я выглядела не лучше, потому что он засмеялся и сказал:

— Снегурочка.

Настроение у меня было скверное, поэтому я мрачно возразила:

— Снежная баба.

Он внимательно посмотрел на меня и спросил без нажима:

— Случилось что-нибудь?

— Просто настроение плохое, — помнится, ответила я.

Он взял меня под руку, при этом с его плеча на мое сполз целый сугроб влажного снега, что неожиданно развеселило нас, и, изменив свой маршрут, пошел провожать меня, даже не спросив, куда я иду.

А шла я, между прочим, в писательский дом на Красноармейской улице разносить сценарии к очередному Худсовету, поскольку в то время я выполняла функции редактора-организатора, наряду с основной должностью редактора. Делать этого я не любила — надо было звонить в чужие квартиры, стоять в дверях, извиняться, вручать сценарии, отказываться от чая и следовать дальше, оставляя мокрые следы в подъездах под косыми взглядами консьержек. Мне тогда казалось, что это меня унижает. Может, от этого и была мрачность.

— А вот этого не надо, — забирала у меня тяжелую сумку, сказал Михаил Давыдович. — Плохого настроения не надо. Не имейте права.

Я относилась к нему с почтением, снизу вверх. Но тут возмутилась.

— Почему это не имею права? Что теперь и на настроение запреты?

— Потому что молодая. Потому что идет снег. Потому что на самом деле все у вас хорошо. И разносить сценарии вовсе не унижительно. Такая же работа, как все остальные. Можете мне поверить, я всякие работы перевидал.

Я удивленно подняла на него глаза. Ну, откуда он знает? Как догадался? Я никак не могла привыкнуть к этой его особенностям — читать чужие мысли. От его внимательного взора ничто не ускользало. Вроде бы занят своими думами, погружен в себя, рассеян, а все видит, примечает, понимает. И легко вышучивает или просто бросит вскользь замечание, а ты потом его долго перевариваешь, ворочаешь внутри себя, споришь или, чаще, соглашаешься, а еще чаще что-то открываешь для себя.

Вот и в тот раз мы довольно долго прохаживались по улице, пока дом на Красноармейской не поглотил меня, и говорили, говорили. Сейчас уже не припомнишь о чем. Памятно только, что настроение мое круто изменилось, глаза открылись и я увидела все сразу — и эту заснеженную улицу с бесшумно промелькивающими машинами, и прохожих, спешащих по своим делам, и низко нависшее белесое небо, и прекрасного человека, от которого исходило тепло, спокойствие и ироническая уверенность.

Михаил Давыдович Вольпин появился в нашем объединении на "Мосфильме" одним из первых. Объединение это, создан-